

Копыта и клыки царской цензуры

Царская цензура являлась верным стражем буржуазно-помещичьего строя. Поэтому все попытки критиковать основы этого строя, призыв к его изменению через художественное слово встречали со стороны цензуры решительное и резкое пресечение.

Все эти «прелести» царской цензуры с особенной силой испытывал в течение 25 лет (1892—1917) М. Горький, когда царское правительство душило свободное слово пролетарского писателя. В недавней статье «О царизме» («Известия» 1931 г.

№ 24) А. М. Горький, желая привести отрывок из своей ранней статьи (1908 г.), наткнулся на ряд строчек с многоточием и образно объяснил это печатное явление, как «следы копыт царского цензора». Оказывается это было не единственное место в дан-

Старый острог.
Здесь Горький сидел в заключении в 1889 г. и в 1901 г.

ной статье с пропусками. Их было много. За свое 25-летие литературной деятельности при царском строе, М. Горькому очень много пришлось вынести от царской цензуры, немудрено, что у Горького не находится иного сравнения и уподобления, как сравнить царского цензора с «голодной свиньей», которая гуляла по огороду и все пожирала. Нужно будет при этом прибавить, что «голодная свинья» оставляла своими копытами не только следы, но и ожесточенно пожирала всякие мысли и идеи, шедшие в разрез с буржуазно-помещичьим обществом.

Первые же рассказы М. Горького, так называемые, босяцкие, были взяты под обстрел и оценивались, как

классово-враждебные для царского правительства. Цензор Елагин в своем допесении в комитет печати сообщает, что «особенное внимание цензуры обратил на себя очерк М. Горького «Коновалов», по многим местам социалистического и резко возбуждательного пошиба».

Взять «Лето», «Исповедь», «Сказки об Италии», «Еще о чорте», «Детство», «Кража», «Калинин», «Покойник», «Солдаты» и друг.—все они печатались с цензурными пропусками. Но больше всего пощастилось повестям: «Жизнь ненужного человека», «Мать». Так из первой повести где М. Горький затронул вопрос из жизни и быта царской охранки, бы-

ло выпущено²¹, и в сборнике «Знание», где эта повесть печаталась, увидела свет только одна треть повести. Конец же повести мог появиться только после революции 1917 г.

Насколько опасно было это произведение, об этом свидетельствует привлечение автора к суду и уничтожение части напечатанной книги.

Не меньшие мытарства испытала «Мать» М. Горького, которую так высоко ценил вождь пролетариата В. И. Ленин.

Эта повесть печаталась в сборнике «Знание» (16—22 сб.). Любопытно, что в первых 3 книгах 16, 17 и 18 не было цензурных пропусков, зато сразу же, возникло судебное дело. Комитет по делам печати от 3 августа 1907 г. доложил прокурору судебной палаты, что «при чтении повести бросается в глаза полное, ясно выраженное сочувствие идеям социалистического учения и выведенным в повести пропагандистам этого учения. При таком отношении автора к разрабатываемой им теме, отдельные нижеуказанные места имеют вполне преступный характер».

Эти обвинения были сформулированы по следующим статьям: 1) Апология убийства агентов по статье 4 § 129 ст. Угол. Улож. 2) Возбуждение вражды к имущим классам по ст. 6 § 129 Угол. Улож. 3) О неизбежности крестьянского востания и возбуждения к бунту по статье 1 § 129 Угол. Улож. 4) Возбуждение к совершению бунтовщических действий по 1 статье того же § 129 и 5) богохульство против церкви, духовенства по 73 статье Уложения о Наказаниях.

Так революционно было это произведение, таким опасным оно казалось, что судебное дело тянулось долго с 1907 по 1913 г., вплоть до ам-

нистии, правда, неполной, под которую подходили все преступления М. Горького, находящегося тогда в эмиграции.

Но, что же мы видим? М. Горький приезжает в конце 1913 г. в Россию из-за границы и сейчас снова поднимается судебное дело, все по той же «Матери», но только уже по одному пункту. Это его антирелигиозным высказыванием, его атеистическим взглядам. Духовная цензура не могла согласиться ни на какую амнистию и требовала преследования М. Горького. И только с началом войны в 1915 году—это дело было ликвидировано.

Жаль, что мало обращается внимания на антирелигиозные мысли «Матери», мало их освещают, а они, как видим, казались очень опасными цензорам в рясах.

Но история с «Матерью» этим не кончилась.

После привлечения к суду писателя, начались неистовства цензуры к дальнейшим частям «Матери», которые печатались в сборниках 19, 20, и 21. Здесь уже следы копыт разошлись во всю.

Но М. Горького не смутили преследования правительства и цензуры. Он твердо шел своим путем. Мы видим, что в 1913 г. он печатает «Омут», где ведется антивоенная пропаганда, и сейчас же против автора возбуждается судебное дело, а самый сборник, где печатался «Омут», подвергнулся изъятию.

В 1906 г. возбуждено было дело по поводу напечатания «Песни о бунтовщице» в сборнике революционных песен. При этом находится ряд произведений, которых нельзя было печатать при царизме. Сюда относятся «9 января», «Русский дар»,

«Хозяева жизни», «Патруль» и друг. Эти произведения увидели свет только после революции 1917 г.

Особенной придирчивостью отличалась театральная цензура. Возможность влияния на массы через сцену куда больше и сильнее, чем через книгу. Поэтому этот участок охранялся цензурой еще решительнее. Сколько мытарств претерпели «Мещане», «На дне», прежде чем их позволили играть на всех провинциальных сценах. Нужен был 1905 г., чтобы снести часть барьеров и сделать доступными для масс пьесы М. Горького на сцене.

В 1902 г., когда появились «Мещане», цензура разрешила играть только одному Моск. Художественному театру и то с большими купюрами. Остальным же театрам разрешалось играть только по особому ходатайству. Та же история повторилась и с «На дне».

Вот как описывает Немирович-Данченко, руководитель Художественного театра, мытарства «На дне». Как и следовало ожидать «На дне» цензурой было совершенно запрещено. Пришлось ехать в Петербург, отстаивать чуть не каждую фразу, скрепя сердце делать уступки и в конце-концов добиться разрешения только для одного Художественного театра. От ряда бесед с тогдашним начальником главн. управления по делам печати проф. Зверевым у меня осталось впечатление, что «На дне» было разрешено только потому, что власти рассчитывали на решительный провал пьесы.

Хорош был провал пьесы, которая в течение ряда сезонов не сходила с репертуара Московского Художественного театра и шла с успехом на провинциальных сценах. В Берлине за 3 года «На дне» прошла до 500 раз.

Выходит, что провалилась не «На дне», а провалились, просчитались театральные шавки комитета печати.

Не менее любезно встречались и другие пьесы М. Горького. Не была допущена к представлению на сцене «Последние» (1908 г.), «Враги», Цензура требовала не допускать и «Детей солнца», но начальник главного управления по делам печати — все же разрешил ее играть. Оценка пьесы «Враги» дана цензором уничтожающая: «В этих сценах докопывается непримиримая вражда между рабочими и работодателями, при чем первые изображены стойкими борцами, сознательно идущими к цели — уничтожению капитала, последние изображены узкими эгоистами. Сцены эти являются сплошной проповедью против имущих классов, вследствие чего не могут быть допущены к представлению» (доклад цензора от 13 ф. 1907 г.).

Наконец, нужно отметить, что цензура кино-фильм не отставала от своих сестер.

В Таганроге полицмейстер запретил кино-фильму о М. Горьком и сделал такую историческую надпись: «Максим Горький не заслуживает внимания, чтобы демонстрировать на экране среди выдающихся людей».

И в данном случае, как и с пьесой «На дне», цензоры просчитались, не заметив из-за своих узко-классовых интересов, что на смену им идет новый класс — пролетариат, а вместе с ним и идет певец этого рабочего класса — буревестник смелый, М. Горький.

Октябрьская революция смыла весь старый строй, и пролетариат СССР сегодня чувствует своего родного писателя, который 40 лет отдал на служение рабочему классу, высоко пронеся знамя писателя пролетариата.